

Коллай Мартын

**Частично
совпадающие
множества**

18+

Колай Мартын

Частично совпадающие множества

«Автор»

2026

Мартын К.

Частично совпадающие множества / К. Мартын — «Автор», 2026

Фотограф мирится со своей любовницей-моделью и переживает фантастическое приключение.

© Мартын К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Частично совпадающие множества

Глава

Из окна автобуса наскальный рисунок фонарей, видимый в профиль сквозь осенний веер блестящих от дождя, голых ветвей, видится вечным, неподвижным, навечно вросшим в воздух. По ночам, сквозь голые кроны, словно смущаясь своей близости к людям, просвечивают искры белого электрического света, сохраняя стройные ряды вдоль дорожек и сбиваются в кучу ближе к центру парка, складываясь в созвездия, отличные от небесных. Как прячут листья в лесу, так фонари прячут среди густых крон деревьев в городском парке. Как открывается Земной ландшафт при удалении от Земли, как открывается ландшафт Небесный при углублении в Небеса, так открывается лабиринт дорожек, обозначенный вешками фонарей, замерших вдоль бордюров, открывается, словно будущее сквозь замутнённый вещами рассудок. Как легки причины, поворачивающие жизнь, словно царапины трав на пролетающем ветре, так тяжелы и потливы годы жизни, скручивающиеся для броска.

Контролёрша быстрой, тонкой лапкой схватила деньги, отточенными, уверенными движениями вырвала из сумки пачку билетов, оторвала один картонный кусок, словно пропуск в моё же личное, маленькое открытие, надорвала, сунула в мою раскрытую ладонь и устало замерла, облокотилась спиной о стойку поручня. Стояла, опустив голову, сложила руки с раскинутыми пальцами на чёрной сумке с деньгами и пропусками в неведомые миры. Невесомая прядь, почти невидимая в тусклом автобусном освещении, выбившая из-под волос, стянутых на затылке, касалась моего плеча, холодной, обветренной ткани куртки, не желающей превращаться в чувствительную, нервную, тёплую кожу. Вздрагивающей, голой веточкой прядь контролёрских волос притрагивалась к жёлтому блику на куртке. Внутренности наших отражений на стекле автобусного окна, словно во сне, не стеснялись переплетаться мокрыми ветвями, обнимающими белыми складками спрятанные фонари.

Между отражениями на стекле и парком, сопротивляясь внешнему ландшафту, и проявилась композиция фотографии, которая выигрывает конкурс, больше похожий на междусобойчик, устроенный одним московским банком для малотиражных, специализированных журналов.

Нет. Понятна стала не композиция фотографии, а родилась фраза, унёсшая с собой муть, открывшая понимание композиции. Курица не птица, баба не человек.

Дочь, моя дочь, то же женщина.

Лошадь то же будда. Будда не лошадь.

Моя дочь от моей любовницы обращается ко мне на «вы» и называет меня вторым именем. Её мать, моя бывшая фотомодель, беременна третьим ребёнком от директора фирмы, в которой работает.

Мы шли с дочкой из школы, разговаривали не о чём. Смотрел на неё сверху вниз. Она поднимала ко мне лицо, когда рассказывала о подругах, мальчишках, у которых на уме только интернет, девчонки и сигареты.

Будда знает-не знает, что он Будда. Ты не лошадь.

Гудели автомобили, воздух то застывал, то улетал, люди отбросили терпение и пробегали мимо, задевали нас полами пальто, куртками, руками, сумками. Звёзды то прыгали вверх, то прятали свои отражение на дне наших глаз, то за прозрачными облаками. Весь мир бросился к ногам дочери, завертелся вокруг неё преданным псом, выталкивая меня на край, где безраздельно властвует центробежная сила.

Остановились, я присел на корточки, взял её ладошку в свои ладони.

- Ксана, дочка, идём завтра на выставку. «Современная мода в фотографии».

Ксана смотрела на меня сверху вниз, медленно подняла брови.

- Ден, почему Вы всегда называете меня дочкой? Она нагнулась, упёрлась лбом в мой лоб, её глаза съехали к переносице. - Вы что, спали с моей мамой? И выпрямилась. - Я недавно видела фотографии моей мамы, которые вы с ней делали. На Ваших фотографиях мама самая красивая.

Смотрел в её глаза снизу вверх. За её спиной, навалившись избитым ветрами и дождями, закалённым телом на тонкое стекло витрины двух магазинов: одежды и книжного, вытянулась серая стена дома. Громыхал по мостовой сквозь гул неостывшей пешеходной лавы поток вулканических бомб. Порывы ветра выбивали из скал мелкие камни, камни хрустели под ногами прохожих. Звёзды и фонари выталкивали своими лучами из глубины сознания на поверхность глаз наши тайны.

Обхватил дочь левой рукой за ноги, встал. От резкой подсечки Ксана отклонилась назад, схватила руками молнию на куртке, ойкнула, обняла руками за шею. Холодная щека прижалась к моему уху, её дыхание проваливалась за воротник, внутрь моего существа.

Ксанина голова уткнулась в звёзды, из глаз брызнули звёздные лучи, жёлтые отсветы лавы, прорвавшиеся сквозь оконные проёмы, застыли на ресницах.

- Я тоже люблю мою маму,- шептала Ксана мне в ухо. – Я не скажу папе, что Вы её любите.

Я осторожно обнял Ксану за талию правой рукой. Дочь отпрянула назад, упёрлась левым коленом в мой живот, правым в бок. Смотрела внимательно, прямо в глаза. Её руки схватили, сжали молнию моей куртки на груди.

- Отпусти, - сказала дочь глухим голосом. – Я уже взрослая.

Мы подошли к первому подъезду древней многоподъездной, кирпичной девятиэтажки, остановились. Ксана встала передо мной. Её пальцы нежно сжали мою руку, розовые кончики пальцев смешно шевелились, щекотали. Ксана потянула мою руку к себе, я наклонился. Дочь поцеловала меня в щёку, смотрела строго, пока вытаскивала свою ладошку из моих пальцев.

- До свидания, Ден. Я протянул ей ранец. Ксана закинула ранец на одно плечо, не оглядываясь, шла по тротуару вдоль палисадника, задевала ранцем ветки разросшегося шиповника, отражалась в окнах иномарок, построенных вдоль тротуара. Я достал мобильник, набрал номер.

- Здравствуй, Рита, мы во дворе, Ксана подходит к подъезду.

- Я видела, как вы целовались.

- Глаха...

- Не называй меня Глахой! ...

-... наша дочь видела наши фотографии... Ты что, не можешь закодировать свой сайт? А, если она увидит то, что мы делали для испанцев?

- Не увидит. СД с ними лежит у меня в офисе.

- Теперь понятно, почему твой шеф не выдержал.

- Не хаами.

- Сколько мы с тобой не виделись?

- Два года.

- Шефский зародыш большой?

- Тыковка.

- У меня есть идея. Надо встретиться. Приходи. Поболтаем.

Ритка промолчала.

- Я тебе простила твою морковку. Дыхание её сорвалось, повисло у мобильного прозрачным мотыльком, забилося, зашуршало, зашептало в трубку...

Она лежала на спине, закрыв глаза, сложила руки на животе. Пёрышком из подушки щекотал Риткино ухо и шептал о том, что чувствую, когда он елозит в её мокрой, потерявшей

рассудок... Риткино лицо натягивалось, заострялось. Я замолчал. Несколько мгновений смотрел на её профиль, ожидая, когда в мою пустую, после траха, голову ударятся новые мысли, заполнят безцветную ёмкость чем-то новым.

Она меня опередила. Отстранилась, отодвинулась на кровати, повернулась на бок, легла в позу спящего Будды. Её сиськи с тёмными, схватившимися сосками свесились в мою сторону. Она смотрела мне в глаза твёрдо, оценивающе, без интереса.

- Ты что, дурак?

Стало холодно. Что-то упругое исчезло из моего нутра вместе с ней. Понятно. Либо её кто-то трахает, либо она работает ещё с кем-то и ей предложили больше. Я встал, пошёл на кухню. Яйца возмущённо бились в ляжки, расвирепевший друг, словно улитка, съёживался и прятался внутрь себя. На кухне открыл холодильник, выбрал морковку потоньше, самую скрюченную, с прилипшими кусочками сухой земли, вернулся в комнату. Ритка лежала на спине, сложив руки на животе. Моя-не моя голая красавица, моя-не моя фотомодель, мой-не мой напарник, мой кровный друг, мать моей дочери. Не открывая глаз, и не поворачивая головы в мою сторону:

- Извини. Я не хотела тебя обидеть. – Тусклым голосом.

Я подошёл к кровати, стоял перед Риткой со сморщенным от холода другом и смотрел на Риткино замкнувшееся лицо, тёмно-каштановые волосы перепутались на подушке, на Риткины сиськи, на маленькие квадратные кисти Риткиных рук, на коротковатые, сильные Риткины пальцы, на бритый Риткин лобок, на точёные, самую малость расплывшиеся Риткины ноги, на Риткины пальцы ног, живущие своей, независимой жизнью.

Морковка ударилась о вздрогнувший Риткин живот, комки земли разлетелись по простыни. Веки с её глаз исчезли, и на меня смотрели огромные, испуганные, карие оленьи глаза.

- На, Глах. Извини, не хотел тебя обидеть.

Больше мы с Риткой не трахались. Даже не прикасались друг к другу, пока заканчивали последнюю серию работ.

Мы договорились встретиться послезавтра.

На следующий день я приготовил реквизит и ушёл гулять в парк с пугливыми фонарями, смирившимися со своей неподвижностью. Фонари, чувствуя свою доступность, притаились между голых ветвей, но только ещё откровеннее проявляли своё присутствие в вечернем воздухе. Фонари, члены сомножества с навсегда заданными координатами, жались друг к другу, разлетались, осторожно поглядывали за ограду, вытянувшись у дорожек парка. Над облаками жили, не обращая не на кого внимания, созревшие фонари. Они светят своим, внутренним, личным светом и потому никого не замечают. Каждая звезда, - отдельная Вселенная, каждая звезда, - Бог Фонарей.

Ритка открыла дверь своим ключом. В распахнутой белой песцовой шубе, семимесячный живот натягивал белую, шерстяную кофту, концы развязанного, белого, вязанного шерстяного платка лежали на животе. Чёрная юбка, белые колготы, светло-серые сапоги, розовые щёки, натуральный блеск на губах, тёплые тени на веках, Риткины глаза. Она хлопнула входной дверью моей квартиры, оттолкнула внутрь стен тёплый воздух, освобождая для себя, заполняя собой комнаты. Я включил освещение. Ритка бросила на вешалку шубу, кофту, платок, белую, кожаную сумочку. Ритка вдавила воздух в комнате, замерла на мгновение в дверях. Чёрный, тонкий свитер на голое тело, на белый бюстгальтер, на взлетающий живот, что-то вихрастое на голове из длинных, до плеч, тёмно-каштановых волос.

- Здравствуй, Ден. Ритка проверила стойкость натурального блеска на моей щеке.

- Здравствуй, Рита. Я ткнул носом в Риткино ухо. Фотоаппарат прошепелявил Ритке приветствие своими костями.

Она прошла в комнату, занесла живот на высокий барный стул, левая нога прямая под задранной юбкой, ляжка и тонкие белые панталоны. Фотоаппарат хрипло вдохнул. Ритка сидела неподвижно, ноздри в разлёт, глаза горят.

- Раздевайся, - я ждал за фотоаппаратом и был готов к любому выпад.

Ритка сидела неподвижно, смотрела мне в глаза и что-то ждала. Я промолчал. Она медленно слезла со стула... и начала раздеваться. Медленно, наощупь. Раздевалась, подыгрывала фотоаппарату всем телом, старательно изгибалась в нужных моментах. Но живот мешал, и получалась изумительная комедия. Фотоаппарат вздыхал и охал, наблюдая Риткин спектакль.

Через несколько минут Ритка осталась в одних сапогах. Стояла голая, защищённая огромным животом и, впервые за всё время нашего знакомства, не знала, куда деть руки. Я снимал тройными сериями. Ритка стояла, терялась и что-то ждала от меня. Ведь это был зародыш её шефа. Её шефа. Но и её то же. Но не мой. Ритка не лошадь, зародыш не шеф. Я люблю её. И зародыша её люблю. Пока только Риткину половину. А её шефа не люблю. Молчал. Она спрятала руки за спину и начала злиться. Я сделал последние кадры.

- Сядь. Я начал подготавливать реквизит. Ритка прошла за спину к моему письменному столу и села в моё рабочее кресло. Я собрал с пола её одежду. От её одежды пахло духами. Я стоял к Ритке спиной и мял в руках риткины шмотки.

- Ден, ты меня любишь, сволочь,- её шёпот сорвался с губ в начале слова «сволочь», предлагая губы для поцелуя. Дрогнувшие, искривившиеся от ожидания, словно у ребёнка, а яростно горящие глаза не предлагали ничего. Следили за каждым моим движением. Её шефа я не люблю.

Я подошёл к Ритке. Она старалась сохранить спокойствие, но ноги чуть-чуть, только колени, разошлись в стороны. Или она играла. Я высыпал на неё, сидящую в моём рабочем кресле, её одежду.

- Сиди так. Развернул стойку освещения и с рук фотографировал Ритку: горящие глаза над напряжёнными плечами, над круглым животом, над ворохом её шмоток, над расслабленными, раскисшими ногами, над коленями, разъехавшимися в стороны. У Ритки вкусная, ароматная, сводящая с ума своим запахом. Подглядывала розовым, сырым глазом сквозь рукава, из-под выпирающего живота. Ритка сбросила шмотки на пол.

- Я хочу в туалет. Пока она сидела в туалете, подмывалась, я подготовил реквизит. Мы работали ещё минут сорок.

Ритка, голая, уставшая, с глазами, потерявшими ярость и разъехавшимися к ушам, сидела на табурете, сплела руки за спиной, подняла подбородок, выставила голую шею, сиськи разъехались по сторонам живота, таращились сосками из подлобья. Мокрые, разбухшие, выползшие наружу губы открывали наполненную беловатым соком... Фотоаппарат хрипнул.

- Ден, ну же... Ритка шевелила заплетающимся языком. - Ден... Ты всегда был сволочью... Ден... Ритка сползла с табурета, подошла, схватила меня за майку на боках, тянула к себе, уткнулась торчащим пупком мне в живот. Что-то тёплое полилось внутрь меня. Снизу вверх мне в лицо смотрели Риткины глаза, мокрые, теряющие себя от неисполненного желания. В меня упирался Риткин семимесячный живот, начинающийся от самых сисек с расплывшимися сосками, в розовых растяжках и просвечивающими сквозь белую кожу синими венами. Живот, приобретающий свою неповторимость, упругую боевитость, становящийся огромным, мудрым, бездонным.

- Я могу не думать о твоём муже, но я никогда не разделю тебя с твоим шефом. Я ушёл за фотоаппарат и сказал самым безразличным тоном, на который оказался способен. - Одевайся. Я приготовлю ужин. Твой любимый салат.

За весь день Ритка не проронила и двадцати слов, а за ужином её прорвало. Она лопала свой салат, заедала салат толстым ломтём белого хлеба с маслом и сыром, и трепалась. Говорила откусывая бутерброд, говорила, засовывая ложку с салатом в рот, говорила прожёвывая,

говорила глотая, говорила, булькая в кружке с чаем с молоком. Я сидел и слушал тёплый комок, который остался у меня в животе, который я не пускал глубже кожи, в котором оставался след от генов её шефа. Наконец комок сдался и выскочил наружу. Я вздохнул. Ритка замерла с ложкой в руке, посмотрела на меня. И рассказала о люстре в кабинете своего шефа. Её рассказ я пропустил мимо ушей, решил, что очередная подмазка.

Я проводил Ритку до остановки. Она прижималась ко мне плечом, держалась под руку, сжав в кулак рукав моей куртки. Ритка смотрела на свой живот.

Фонари не знают секса. Из их фригидных тел, через металлические дверцы, сквозь которые, словно сквозь живот, видны жилы, вываливается всё, что залезает за ночь внутрь столба. Окурки, бумажки, иногда мёртвые воробьи или мыши. Фонари стоят, равнодушные к зиме, к городу, к людям, к электричеству, к мотылькам и бабочкам, которые вьются летними ночами вокруг их ламп. Фонари стараются заманить в своё пустое, холодное тело проезжающие машины, царапают по полированным крышам блёклым, бело-бело-бело-зелёным электрическим светом. Облака прячут звёздное небо от посягательств незрелых городских фонарей.

- Что ты говоришь?

- Фонари напоминают пальцы с ногтями, покрашенными фосфоризирующим лаком, притягивающие к себе звёздное небо. В отличие от звёзд, у фонарей никогда не бывает детей, фонари никогда не превратятся в звёзды. Они об этом знают, но всё равно стараются найти способ любить. Хотя бы пауков, заползающих в их столбы.

Мы стояли на остановке, пропустили вторую маршрутку и второй автобус. Ритка держала меня за куртку на боках. Она что-то говорила о своей фигуре, о своих сиськах, о своей коже на животе. А я думал о нашей дочери и о парке с фонарями, испуганными прозрачностью парка и разбегающимися вдоль дорожек. Я чувствовал, что вдоль ограды парка кто-то гуляет, кто понимает фонари, замершие внутри и между крон деревьев, смеющихся над ними. И он откликается на мои чувства, давая понять, что понимает меня.

- Что ты сказал?

- Я не могу тебя трахать, пока между нами зародыш твоего шефа. Ритка растерянно моргала, раскрыв рот.

- Ты что-то сказал о нашей дочери.

- У неё уже сиськи выросли, и она знает, откуда берутся дети. Ритка раскрыла рот и ещё сильнее прижалась ко мне своим животом.

От остановки отъехала маршрутка. Фонари равнодушно наблюдали за нами, ждали, когда хоть немного человеческого тепла поднимется вверх по проводам и сорвётся с нити накаливания, чтобы привлечь к фонарям автомобили.

- Ксана знает, от кого у тебя ребёнок?

- Ты что, дурак?

- Значит знает. Твой шеф отличается от твоего мужа, как фонарь от беременной женщины.

Ритка стояла, смотрела на меня и сжигала яростным огнём карих глаз овечек и барашков, всплывающих из глубины её беременного существа.

- Ты знаешь, шеф говорит, что у него от люстры едет крыша. Ритка погрузилась. Вероятно, сожгла всех овечек и барашков. – Он говорил, что люстра наблюдает за ним. Поворачивает в его сторону лампы, а его собака дружит с люстрой. Встаёт под неё, радостно лает, часами стоит, задрал голову к люстре, спит под ней и приносит ей кости.

Я не мог понять, что Ритка хотела. Помощи, сочувствия, прикалывалась? Я знал, что Ритка никогда не полюбит своего шефа по-настоящему, как далёкого школьного друга, о котором всё время рассказывала, что это всего лишь сочувствие бабы, в животе которой шефский зародыш.

- Рита, я люблю твоего зародыша. Люблю твою половину. Надеюсь, что половина, доставшаяся ему от твоего шефа, будет здоровой. Ритка, ты расскажешь нашей дочери историю её рождения? Она на твоего мужа не похожа. Ты можешь упустить инициативу... У тебя течёт из носа.

На остановке стояли какие-то люди. Высокий парень в длинном, чёрном пальто с поднятым воротником, разговаривал по мобильнику. Его тень, старательно выпестованную электрическим светом, поддел с асфальта бомбила на «Жигулях». Тень вспорхнула на переднее крыло, поизвивалась на дверцах, соскользнула с заднего крыла и снова уткнулась в асфальт, пошептаться с тенями комковатого снега.

- Ты же любишь меня, Ден. Любишь. Почему же ты такая сволочь? Ритка рукавицей вытерла с верхней губы два бесцветных ручейка.

Я тормознул иномарку. Ритка села, неуклюже задирая ноги, упираясь коленями в семи-месячного зародыша. Фонари тарасились в тёмное стекло иномарки, старались разглядеть внутри салона так и не обломившейся им кусочек человеческого тепла. Я не предполагал, что так приятно выгуливать любовницу, даже беременную от другого. Наверное, я Ритку действительно люблю. Иномарка разгонялась по бело-бело-бело-зелёной трассе, и старались схватить автомобиль своими согнутыми отражениями, вскрыть, абортить, вынуть из тёмного, нагретого салона непонятную им причину жизни. Уличные фонари не боятся открытости и никогда не шарахаются от людей.

Готовые фотографии, три больших отпечатка, я отвёз на следующей неделе. Фотографии приняли сразу, без претензий.

До Нового Года оставалось две недели. Я стоял у метро и ждал Ритку. Автомобили давили мокрый снег. Снег цеплялся за холодный асфальт, таял, но не молил о пощаде. До Нового Года две недели, а температура ни разу не опускалась ниже пяти градусов. Небо сбрасывало новые жидкие, недолгие снегопады. Ритка не любила, когда я называл её Глафирой. Она называла себя при знакомстве Фёклой, Сашей, Яной или любым другим именем, пришедшим в её голову. Мне она представилась Ритой и только в роддоме, когда Ритка рожала Ксану, я узнал её настоящее имя. Ленинградский проспект гудел моторами, бубнил голосами прохожих, выдыхал табачный дым, дым с запахом жаренной дохлятины, угарный газ и предлагал на все вопросы два ответа. В эти стороны шли и ехали люди. Дома в ответ просвечивали полузакрытыми окнами и открывали в улыбке витрины, забитые шмотками и манекенами.

А снег осыпался сверху большими снежинками.

Риткин автомобиль выделялся из общего потока нарисованной на капоте огромной, полураспустившейся розой. Бутоны откровенно напоминали залупу. Над бутоном яркие кошачьи глаза. В Лианозовском парке фонари испуганно шарахались от ограды. У её шефа едет крыша от какой-то люстры. Москва освещает по ночам облака оранжевым светом. Вдоль ограды Лианозовского парка гуляет какой-то человек, понимающий меня. Сегодня этот неизвестный идёт по городу и смотрит на витрины. Ритка притормозила у остановки. Я сел в её «Жигули», щелкнул фотоаппаратом.

- Здравствуй, Ритка! Ритка отвернулась, смотрела в зеркало заднего вида, и я её не поцеловал. Снял с рычага скоростей Риткину руку и укусил за мякоть у большого пальца. Я вдыхал запах её ладони, смотрел на её живот, на раздвинутые для автомобиля ноги, лежащие на педалях, словно на акушерском столе.

- Я тебе всё равно не дала бы. Ритка вынула руку, вложила в ладонь рычаг скоростей.

- Даже не отсосу.

Тщательно выставленные из-под платка голые пряди и отдельные волосы вздрагивали, вырываясь наружу, расталкивали друг друга. Сзади просигналил автобус, щелкнул затвор, Ритка переключила скорость и надавила на газ.

Для маленького, незаметного междусобойчика, устроенного банком, лучшего места для выставки, чем ближайшее кафе, не придумать. Обстановка от центрального офиса, уютная компания своих людей, несколько чужаков с новыми идеями, неожиданными приёмами, независимыми характерами. Свежая кровь. Небольшая доза, прививка самоуверенности и наглости, надежды и упорства.

Риткин шеф пашет сутками и не устаёт. Работоспособность у него выросла, за год тренировок стал мастером спорта по бодибилдингу. Нет, не дробит. У него две постоянные любовницы на стороне и две в фирме. Нет, кого попало шеф не трахает, избирательный. Три девчонки уволились из того, что шеф их не трахал, а они впадали в истерику после каждого отказа. Не хамя. Одна на восьмом месяце, вторая на четвёртом. Отчего она так заботится о своём шефе? Из-за зародыша, наверное. Чего только не наплетёшь бабе, чтобы дала. Крыша у него едет от люстры... Нет, он никого к люстре не подпускает. Его собака всё время лежит под люстрой. В кафе будет Риткина знакомая, редакторша какого-то журнала, финалистка чемпионатов по бодибилдингу. За год тираж журнала вырос почти до восьми тысяч, почти семь тысяч подписчиков и больше тысячи экземпляров в розничной продаже. Редакторша хочет напечатать нашу испанскую серию. Истёк срок запрета на публикацию.

Ритка переключила скорость, свернула в боковую улицу. Она переключала скорости, переставляла ноги с педали на педаль, словно не было у неё огромного живота в розовых растяжках с шефским зародышем внутри. С правой стороны к нам подъехало ничем не привлекательное двухэтажное кирпичное здание. В таких обычно бывают ЖЭКи, строительные конторы, ателье. На первом этаже было кафе, на втором частная галерея. Редкие, большие, медленные снежинки обозначили дистанцию между нами и кафе. Ритка остановила «Жигули» у подъезда соседнего дома, за иномаркой, засыпанной снегом. Мы вышли из автомобиля. Ритка, в левой руке сумочка и пакет, взяла меня под руку. Мы шли, осыпаясь снегом. Ритка смотрела на свой живот.

В витрине кафе, на красном бархате, перед красной, бархатной, тяжёлой занавеской, россыпь стекла и мельхиора. В стекле витрины кафе отражались фонари, деревья, растоптанный снег, снег, не замечающий воздуха, не различающий, где наши головы, где плечи, а где Риткин живот. И я снова почувствовал присутствие Того, Кто Гулял Вдоль Ограды Лианозовского парка, вдоль витрин.

Открыл перед Риткой дверь. Ритка доставала из сумочки десятку для швейцара, я держал в руке пригласительный на двоих.

- Ксана! ... У меня перехватило дыхание. Ксана ударила меня кулаком в живот.

- Мама! Я вчера подслушала ваш разговор и хочу с вами!

Ритка развернулась всем животом к Ксане. С плеч, с платка, обрамляющего лицо, с шубы на животе слетели белыми крыльями хлопья снега. Ритка покраснела, глаза яростно горели, выставленный вперёд живот размахивал сверкающим снегом, словно копьями и саблями.

- Паршивая девчонка! Ах ты, маленькая, дерзкая девчонка! Ты посмела подслушивать разговоры взрослых! Ты посмела следить за нами! Ритка шагнула на Ксану. Ксана не шевелилась.

- Мне надо учиться жизни! Книги этому не учат, учителя в школе берегут собственное спокойствие и благополучие, друзья сопляки, отец с братом препарируют в гараже свою долю, а родная мамочка гуляет со своим фотографом! Я видела твои фотографии. Ты самая красивая из всех фотомоделей, а Ден понимает тебя лучше всех.

Ритка смотрела на меня глазами, налившимися слезами, и кусала нижнюю губу. В кафе пришли посетители, и нам пришлось отодвинуться от двери.

- Для тебя не забронировано место.

- Я и на столе могу.

- Дерзкая девчонка.

- Мама, мы же ходили с тобой в баню и на пляж...

- Здесь другое дело.

- А мне нравится думать, что люди хотят посмотреть, какая ты красивая. Мне нравится думать, что ты самая красивая. Ден, - Ксана взяла меня за руку, смотрела снизу вверх в лицо сквозь снег. – Попросите маму!

- Рита! Наша...- я поперхнулся, чуть не сказал «наша дочь»,- Ксана взрослая, у неё растут сиськи.

У Ксаны отвалилась нижняя челюсть, её смеющиеся глаза расталкивали снежинки, мешающие нашим взглядам. Ритка старательно сжигала в глазах всплывающих овечек и барашков, кусала нижнюю губу, сжала горячими пальцами мою руку.

- Это будет тайной нашей маленькой семьи. Я сгрёб в ладонь дочкины пальцы.

- Об этом должны знать только мы. В Риткиных глазах мелькнули радуги, зажаренные живьём овечки с барашками были посланы на помощь тающему снегу.

Ксана взглянула Ритке в лицо, закусилась нижнюю губу, свела зрачки к переносице.

- У меня самая обалденная мамуля во Вселенной! Ксана смахнула снег с шубы, раздраемой Риткиным животом, и прошла в кафе. Ритка взглянула на меня огромными глазами плачущей оленихи и всхлипнула.

Вместо швейцара нас встретил молодой плечистый охранник с ледяными, широко расставленными голубыми глазами на живом, скуластом лице. Он проверил пригласительный, сверил фамилии в пригласительном со списком, сверил наши лица с фотографиями в списке, провёл вдоль наших тел ручным металлоискателем. Внимательно посмотрел на нашу Ксану, провёл взглядом по нашим лицам.

- Для посетителей отдельные столики, отдельное меню и преЙскурант.

- Окей. Ксана свела зрачки к переносице.

Ритка подняла к животу сумочку в одной руке и десятку в другой, пошуршала банкнотой. Охранник замер, выпрямился во весь рост, сложил руки внизу, смотрел на Ритку холодно, сверху вниз. Ритка спрятала глаза, опустила лицо к сумочке, повернулась к мужику боком. В кафе зашли посетители. Охранник повернулся к ним. Мы прошли в гардероб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.